

Священник Дионисий Поздняев

*Протоиерей, настоятель храма святых
первоверховных апостолов Петра и Павла
в Гонконге (Китай)*

К истории Российской Духовной Миссии в Корее (1917-1949)

Российская Духовная Миссия в Корее была учреждена Указом Святейшего Правительствующего Синода №2195 от 24 июля 1897 г. Со дня своего основания до 1908 г. Корейская Миссия находилась в ведении Петербургского митрополита, а с 1908 по 1922 гг. - в ведении Владивостокского архиепископа.

Открытие Российской Духовной Миссии в Сеуле было продиктовано политическими интересами России на Корейском полуострове. Учрежденная по инициативе С. Ю. Витте и финансирувавшаяся лично Государем Императором, Сеульская Миссия должна была через миссионерскую и культурную деятельность обеспечивать политическое влияние России в Корее. Подтверждает политический характер принятия решения об открытии Миссии в Сеуле и тот факт, что в первый период своего существования Сеульская Миссия не числилась в церковных финансовых отчетах, по которым проходили зарубежные Миссии Русской Православной Церкви, финансирувавшиеся Святейшим Синодом до революции 1917 г.

1917 г. стал переломным для всего русского общества. Церковь в России лишилась государственного статуса, однако вместе с тем обрела свободу от 200-летней опеки светского обер-прокурора. Было восстановлено Патриаршество.

Если в России советская власть начала повсеместные гонения на Церковь, то за ее пределами, в частности в Корее, Церковь освободилась от необходимости играть политическую роль.

Сеульская Миссия, возглавленная с 1917 г. иеромонахом Феодосием (Переваловым), в результате революции лишилась средств, посылаемых Синодом на ее содержание. Ко второй половине 1918 г. в составе Миссии оставались только три человека - иеромонах Феодосий, диакон Лука Ким и псаломщик А. Ким. Не имея никаких статей дохода, Миссия была обречена на всякого рода лишения и испытания. Владивостокский архиепископ Евсевий разрешил сдать в аренду главное миссийское здание в Сеуле со всеми второстепенными постройками, с тем чтобы служащие Миссии переехали в пустовавшее здание школы, куда надлежало перенести также и миссийскую церковь. Несмотря на указ правящего архиерея, ни основное здание, ни пристройки к нему не были сданы в аренду по причине отсутствия заинтересованных арендаторов (привыкшие к традиционному жилью корейцы и японцы избегали жить в домах европейской постройки, жившие же в Сеуле европейцы имели собственные роскошные особняки). По этой причине Миссия была вынуждена начать продажу принадлежавших ей земельных участков, прежде всего пустовавших школьных домов в провинции.

Викарий владивостокского архиепископа, преосвященный Павел, прежде сам возглавлявший Сеульскую Миссию, писал 17 апреля 1918 г. архимандриту Феодосию из Москвы: «Сообщаю Вам, что я докладывал о бедственном положении Сеульской Миссии Собору и писал доклады спешные, но практической пользы добьемся едва ли скоро, ибо Церковь наша не только бедна, но и нища, а сборы церковные теперь тащат во все стороны, чтобы заткнуть вопиющие нужды на местах. Притом 40 миллионов церковных денег конфискованы. Ввиду этого я уже писал Вам, чтобы Вы продавали ненужные церковные здания, а затем и дачу за северными воротами. Бывшую женскую школу сдайте в аренду, если нельзя сдать главного миссийского здания... Бедствуют все Миссии: Пекинская тоже приступила к распродаже кое-какого имущества»¹. Покупателей на здания Миссии не на-

ходило. Несмотря на все трудности, владивостокский архиепископ Евсевий просил отца Феодосия не покидать Сеул. Миссия фактически была предоставлена самой себе. Позднее иеромонах Феодосий писал, что закрытия Миссии не произошло лишь «только по нравственной поддержке архипастырей владивостокских, отечески советовавших... держаться до последней крайности»².

Неожиданная поддержка пришла Миссии со стороны инославных и иноверных. Так, начальник англиканской миссии в Сеуле епископ Троллоп поддерживал Миссию в течение 19 месяцев денежными субсидиями. Также и проживавший в Токио иудей М. Гинсбург пожертвовал Сеульской Миссии крупную денежную сумму, без каких-либо обязательств со стороны Миссии. Корейской Миссии также оказало помощь и Российское Императорское Посольство в Токио. Несмотря на оказанную помощь, Начальник Миссии должен был сдать в аренду под огороды значительную часть земель. Все свободные квартиры были также сданы русским эмигрантам. Бедная корейская паства не в состоянии была материально поддержать Миссию (к тому времени в Приморье, Корее и Японии проживало около 6 000 православных корейцев, в самой Корее — около 600 человек).

В 1920 г. иеромонах Феодосий (Перевалов) был утвержден в должности Начальника Корейской Миссии (Указ Владивостокского епархиального совета от 2 ноября за №8079).

С поражением белого движения в Приморье стали невозможными церковные связи между Владивостоком и Сеулом. Миссия бедствовала. Начальник Миссии, иеромонах Феодосий, обратился с письмом к архиепископу Евсевию, все еще находившемуся Москве. Владыка Евсевий представил письмо Начальника Миссии Святейшему Патриарху Тихону, решением которого Миссия была изъята из подчинения Владивостокскому епархиальному управлению (Указ Синода от 4 ноября 1921 г. за №1571). В соответствии с этим указом с момента получения синодального решения (26 января 1922

г.) Миссия стала подчиняться архиепископу Токийскому Сергию (Тихомирову) - ближайшему русскому православному епископу, сохранившему верность Московскому Патриарху. Фактически Миссия отошла в ведение владыки Сергия в 1923 г.

Сеульская Миссия оказалась перед необходимостью срочной регистрации своей недвижимости, поскольку советские власти пытались претендовать на церковное имущество за границей на правах преемника Российской Империи. Существовала и опасность того, что на имущество Миссии станут претендовать живоцерковники. В случае соответствующего договора СССР с Японией, под чьей властью тогда находилась Корея, Сеульская Миссия могла лишиться всего своего достояния. Регистрация имущества на имя Русской Православной Церкви привела бы к потере собственности в будущем, регистрация на частное лицо повлекла бы за собой слишком высокое налогообложение, к тому же законность такой регистрации оспаривалась бы разными частными лицами. Было принято решение включить церковное имущество в «Имущественное общество Японской православной Церкви», признаваемое правящими японскими властями за юридическое лицо. Вскоре все имущество было зарегистрировано должным образом, о чем Начальник Сеульской Миссии сообщил архиепископу Токийскому Сергию в письме от 13 июля 1924 г. В Токио были направлены все соответствующие копии, оригиналы же хранились в архиве Сеульской Миссии (часть имущества еще прежде была зарегистрирована на частное лицо — игумена Владимира (Скрижалина), заведовавшего Миссией с 1914 до 1917 г.).

После прекращения нормальной связи с Московским Патриархатом Корейская Миссия несколько раз подвергалась попыткам захвата (как имущества, так и церковной власти) со стороны разных лиц. Первая такая попытка была сделана в 1925 г. при Начальнике Миссии архимандрите Феодосии. Дело носило имущественный характер и предпринималось лишь в целях наживы. При этом на место архимандрита

Феодосия предполагалось поставить корейского священника. Зачинщики этой акции были силой выведены с территории Миссии русскими эмигрантами, нашедшими приют в Корее в послереволюционные годы.

Революция разрушительно действовала не только в России, но и за ее пределами. Отцу Феодосию пришлось нести на себе тяжкое бремя управления Сеульской Миссией в сложные годы - в условиях, когда из России не только не приходилось ожидать поддержки, но даже существовала угроза. Самые разные силы пытались препятствовать деятельности Миссии. Сеульская Миссия вынуждена была фактически прекратить свою миссионерскую деятельность с закрытием школ в середине 1917 г. и увольнением миссийских катехизаторов. Деятельность Миссии свелась к сохранению православной общины в Корее и пастырской деятельности среди русских эмигрантов. Члены Миссии продолжали совершать богослужение в праздничные и воскресные дни, проповедовать в храмах и вне храмов, совершать требы и поездки в миссионерские станы, находившиеся в провинции (в Кехе и Каругай; их духовно окормлял священник Л. И. Ким, скончавшийся в 1930 г.), продолжали учить детей и оглашать взрослых. 5 марта 1923 г. за труды по управлению Миссией архиепископ Токийский Сергей возвел отца Феодосия в сан архимандрита.

Необходимо было сохранить в целостности и неприкосновенности все ценности - как духовные, так и материальные, - которые благодаря русским миссионерам в годы перед разрушительной русской революцией были кропотливо собраны в Корее. Во многом благодаря самоотверженным трудам отца Феодосия Миссия продолжала существовать, хотя преимущественно ограничивалась деятельностью церковноприходской. За время его управления Миссией были крещены 75 человек. В 1930 г. архимандрит Феодосий обратился к архиепископу Сергию с просьбой освободить его от должности Начальника Сеульской Миссии. С согласия владыки он переехал в Токио, где скончался в 1933 г.

С 1930 г. прямое управление Сеульской Миссией принял Токийский архиепископ Сергей. Из клириков в Корее остался один лишь диакон Алексей Ким Ки Хан (впоследствии именно он сыграл главную роль в деле захвата Сеульской Миссии раскольниками). Фактически Миссией управлял Приходской Совет, в основном состоявший из русских эмигрантов.

В 1931 г. по благословению архиепископа Сергия из Маньчжурии в Сеул прибыл священник А. Чистяков. Его деятельность в основном ограничивалась совершением треб и богослужений. Он также должен был заведовать хозяйством Миссии. Несмотря на отсутствие средств, Сеульская Миссия продолжала посильную миссионерскую деятельность. Около двух раз в году о. А. Чистяков посещал миссионерские станы в провинции. К 1931 г. численность православных корейцев на территории Кореи достигла 1 100 человек.

Отцу А. Чистякову, так же как и архимандриту Феодосию пришлось столкнуться с попыткой захвата Миссии. На этот раз попытка была предпринята со стороны раскольничьего Карловацкого Синода в 1933 г. Постановлением Зарубежного Синода к титулу проживавшего в эмиграции в Харбине Преосвященнейшего Нестора (Анисимова), епископа Камчатского, был изменен и его титул и он стал возглавляться за богослужением как епископ Камчатский и Сеульский. Владыка Нестор был возведен в епископский сан еще задолго перед революцией. Его епископскую хиротонию возглавлял тогда владыка Сергей (Тихомиров). Впоследствии владыка Нестор прекрасно чувствовал выразившееся в принятии нового титула своего рода предательство по отношению к владыке Сергию. Последний всегда оставался верным московской церковной власти, а владыка Нестор под давлением харбинских архиереев, подчинившихся Карловацкому Синоду, стал претендовать на управление Корейской Миссией. Владыка Нестор отправил несколько писем митрополиту Сергию, где пытался оправдаться и просил принять его извинения. В конечном итоге владыка Нестор так и не был допущен в Корею,

да и сама Сеульская Миссия пожелала остаться верной представителю законной церковной власти - митрополиту Сергию (Тихомирову).

Харбинская епархия Русской Православной Церкви Заграницей, тем не менее, не оставляла намерений завладеть Сеульской Миссией. На севере Кореи проповедовали миссионеры из Харбина. В поселке Новина близ корейско-китайской границы был также построен храм для русских эмигрантов, приезжавших в Северную Корею из Маньчжурии в период летней жары в Китае.

Трудившийся еще до 1917 г. в Сеульской Миссии псаломщик П. Афанасьев с 1919 по 1922 г. обучался в Восточном институте во Владивостоке. После захвата большевиками Владивостока он вернулся в Сеул, где надеялся вновь устроиться на службу в Духовной Миссии. По причине длительного отсутствия в Миссии незадолго до эмиграции в Сеул Афанасьев был официально выведен за штат ее сотрудников, поэтому вновь принять его на службу было непросто. Владыка Сергей (Тихомиров) также не благословил его на труды в Миссии. Подчинившись в 1931 г. правящему архиерею Харбинской епархии, П. Афанасьев открыл на севере Кореи миссионерский стан, где за два года трудов привел к православно́й вере и огласил около 450 корейцев. Позднее, в мае 1933 г., он был рукоположен в сан священника (о его деятельности после 1933 г. не сохранилось сведений)³.

В 1936 г. архиепископ Сергей назначил Заведующим Сеульской Миссии архимандрита Поликарпа (Приймака), который прибыл в Корею из Токио в апреле 1936 г. К краткому периоду 1936 - 1940 гг. относятся попытки возрождения миссионерской деятельности на территории Кореи. Миссия в 1936 г. организовала строительство часовни-церкви в Омпо (Северная Корея). Впрочем, успех их миссионерства не мог быть значительным - по-прежнему не хватало средств на открытие школ и на содержание катехизаторов. Деятельность Сеульской Миссии все-таки преимущественно была церковно-

приходской. Паства архимандрита Поликарпа проживала в 17 населенных пунктах Кореи и насчитывала около 150 человек.

В июле 1940 г. собор православных японцев самочинно объявил о прекращении церковного общения с Русской Православной Церковью - митрополит Токийский Сергей был отстранен от управления Японской Церковью. Оставив кафедру, он, однако, не сложил с себя обязанностей Начальника Русской Духовной Миссии в Японии. Не отказался он и от архипастырского окормления Русской Духовной Миссии в Корее. В ведении митрополита Сергея Корея Миссия и ее начальник находились с 1936 г. Более того, митрополит Сергей, лишенный помощи со стороны православных японцев, при помощи Сеульской Миссии обустроил на окраине Токио домовый храм, в котором совершал богослужения до своей смерти 11 августа 1945 г. Под давлением японских властей по военным и политическим обстоятельствам владыка Сергей 8 октября 1941 г. (резолюция №212) был вынужден отказаться от попечения о Кореянской Духовной Миссии. Всю полноту власти и ответственность за сохранность имущества владыка Сергей передал архимандриту Поликарпу, назначив его Начальником Духовной Миссии, подчеркнув собственноручно слово «Российской» в упомянутой выше резолюции.

Японские военные власти с началом войны строго ограничили деятельность Миссии духовным окормлением русских эмигрантов. Под предлогом усиления безопасности были запрещены поездки в миссионерские станы, были предприняты попытки ограничить общение русских с корейцами. За время войны, впрочем, Миссия не подвергалась попыткам захвата имущества (если не считать просьб японцев пожертвовать на нужды войны колокола из миссионерских станов - их власти взяли без разрешения архимандрита Поликарпа; колокола же в Сеуле удалось сохранить).

После окончания войны в соответствии с Указом Святейшего Патриарха Алексия I от 27 декабря 1945 г. №31 управ-

ляемая архимандритом Поликарпом Корейская Миссия, «временно самостоятельная», находилась все-таки в ведении Московского Патриарха.

В период американского управления Кореей Сеул переполнился беженцами с Севера Кореи. Именно нехватка квартир и стала причиной новых покушений на собственность Миссии. Прибывали русские эмигранты, покидавшие Северную Корею и Китай. Некоторые из них участвовали в попытке захвата Миссии в 1925 г. Среди них был и диакон Алексей Ким Ки Хан. В 30-х годах он трудился в Миссии, но, по свидетельству архимандрита Поликарпа, по причине слабого образования и отсутствия интереса к миссионерской работе он был мало полезен для дела. Митрополит Сергей терпел его присутствие в Миссии лишь постольку, поскольку он был, по словам владыки, «осколком от старой Миссии» (Ким учился в миссийской школе в 1907 - 1912 гг.)

Диакон Алексей был временно принят на службу в Миссию из жалости и из нежелания давать повод упрекнуть русских в безразличии к миссионерским трудам среди корейцев.

В то время, видя доброжелательное отношение к христианским миссионерам со стороны американских военных властей в Корее, архимандрит Поликарп предпринял попытку упорядочить деятельность Миссии и расширить помещения для ризницы, библиотеки, церковных собраний и т. д. Для этого необходимо было отказаться в аренде миссийских зданий ряду лиц, проживавших в Миссии и даже незаконно сдававших в целях прибыли часть занимаемых квартир. Обиженные квартиранты старались оклеветать архимандрита Поликарпа перед властями. В частности, пользуясь националистическими чувствами корейцев, эти люди распространяли слухи о том, что имущество Миссии принадлежит ненавистной Японии (при этом вспоминалось о регистрации собственности Миссии в 1925 г., проведенной архимандритом Феодосием). Архимандрит Поликарп писал председателю Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополи-

ту Николаю (Ярушевичу) 21 июля 1946 г.: »В Корею у нашей Миссии находятся «доброжелатели» из русских беженцев, которые по некоторым соображениям (главным образом, кажется, потому, что хотят удержаться в миссийских удобных для них квартирах) наговаривают американцам, что наша Миссия, мол, была японским имуществом... и по - тому-де теперь имущество должно перейти американцам...»⁴

В середине 1947 г. противники архимандрита Феодосия, рассчитывавшие на получение миссийского имущества, объединились и направили в Токио письмо раскольничьему архиепископу Вениамину (Басальге) (феофиловский раскол) с просьбой решить вопрос об их «духовном окормлении». Благодаря помощи западных миссионеров, знавших архимандрита Поликарпа долгие годы, удалось убедить власти воспрепятствовать приезду архиепископа Вениамина в Сеул. Конфликт, тем не менее, не был исчерпан.

В начале октября 1948г. диакон Алексей Ким Ки Хан неожиданно выехал в Токио, откуда он вернулся уже священником (его рукоположил архиепископ Вениамин), утвержденным в должности «Начальника Корейской Миссии». 12 декабря 1948 г., после Божественной Литургии в храме Миссии, противники архимандрита Поликарпа зачитали письмо архиепископа Вениамина, требующего сдать все дела Начальника Миссии Алексею Ким Ки Хану. Разорвав русскую копию послания архиепископа Вениамина, отец Поликарп заявил, что не подчиняется требованиям незаконной церковной власти. Архимандрит Поликарп просил всех разойтись. Толпа недоброжелателей насильно выволокла отца Поликарпа из храма, разорвала его рясу и разбила стекла в дверях храма. Отца Поликарпа пытались защитить горстка русских прихожанок, но лишь полиции удалось остановить потасовку. Вечером того же дня полиция арестовала архимандрита Поликарпа.

18 декабря в присутствии Ким Ки Хана и еще нескольких его сторонников полицейский чиновник предложил «по

просьбе верующих передать им церковь для возобновления богослужения». Чиновник спросил, согласен ли о. Поликарп с распоряжением церковной власти в лице архиепископа Вениамина. Архимандрит Поликарп дал отрицательный ответ. «Признаешь ты или не признаешь, сдаешь ты или не сдаешь, - это нас не касается... Мы признаем, и мы сдаем, в целях общественного спокойствия...» - таково было заключение полицейского чиновника. Тут же, без подписи о. Поликарпа, был составлен соответствующий протокол, закреплявший права на миссию за раскольниками.

Пребывание архимандрита Поликарпа в тюрьме Кемукван завершилось лишь 29 декабря 1948 г. благодаря защите адвоката, нанятого стараниями одной благочестивой русской прихожанки. Суд не нашел, естественно, никакой вины за отцом Поликарпом, однако о возвращении имущества Миссии можно было не думать — это было бы возможно лишь через суд, решение которого не было бы в пользу о. Поликарпа. 10 мая 1949 г. архимандрит Поликарп писал в телеграмме на имя Святейшего Патриарха Алексия: «...Меня всячески принуждают сдать Миссию и уйти из Миссии. Молюсь в своей келии»⁵. «Выйдя из тюрьмы, я не ходил в церковь и жил исключительно подаванием»⁶.

18 июня 1949 г. о. Поликарп был вторично арестован и заключен в тюрьму. В своей автобиографии он позднее писал: «...Ко мне были применены азиатские пытки... (21 июня. - *Прим. авт.*) По истечении 11 дней меня вместе с матерью выслали из Южной Кореи в Северную, причем все наше личное имущество было конфисковано»⁷. В Журнале Московской Патриархии архимандрит Поликарп писал: «29 июня в сопровождении агентов полиции нас (с матерью. - *Прим. авт.*) доставили к 38-й параллели и предложили идти. Через несколько часов мы достигли пограничного пункта Северной Кореи, где нас доставили к офицеру... 3 июля мы прибыли в Пхеньян»⁸. Так завершилась история Российской Духовной Миссии в Корее.

¹ Российская Духовная Миссия в Корее, Харбин, 1925. С. 123.

² Там же. С. 129.

³ Государственный архив Российской Федерации, ф. 6343, оп. 1, д. 234, лл. 46 - 49.

⁴ Архив Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Дело 18.

⁵ Там же.

⁶ Журнал Московской Патриархии, Москва, 1949, №8. С. 11.

⁷ Архив ОВЦС МП. Личное дело епископа Поликарпа (Приймака). Автобиография от 3 января 1951 г.

⁸ ЖМП, 1948, №8, С. 12.